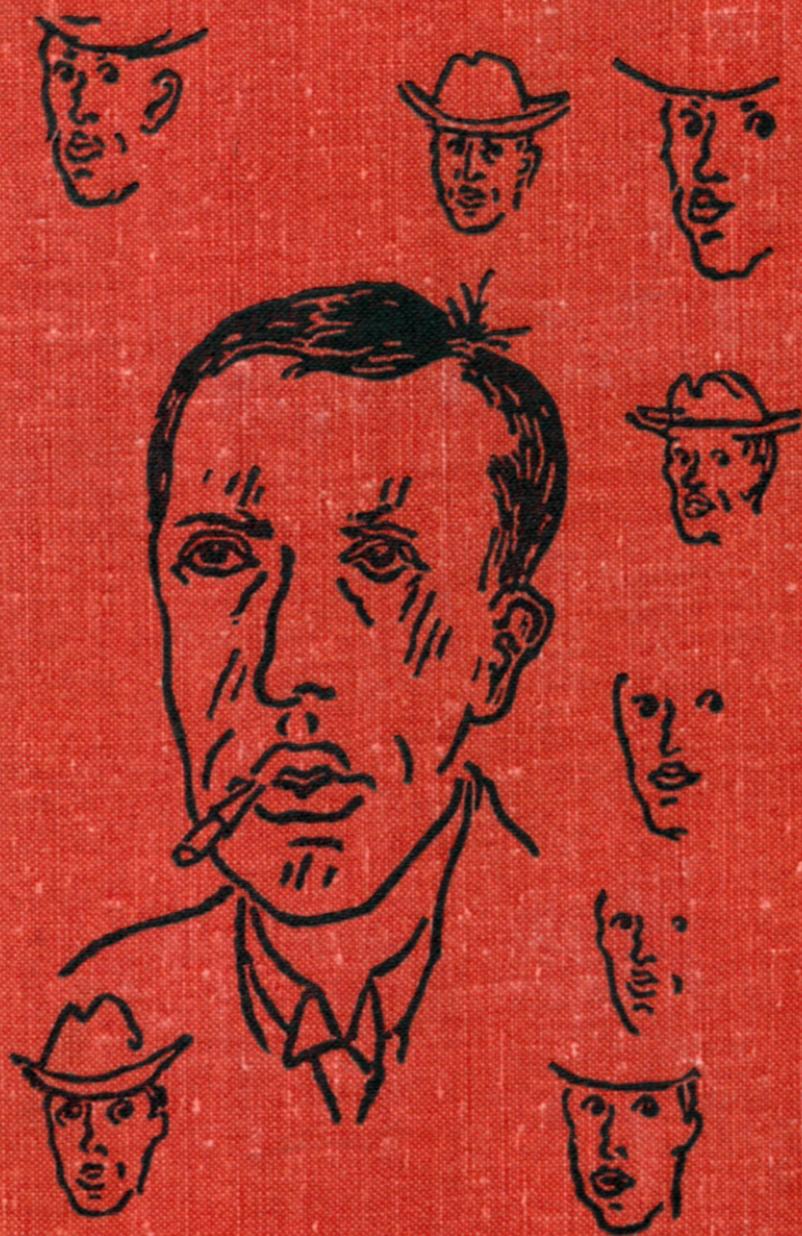

Карел Чапек

МОСКВА «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА» 1974

Карел Чапек

Собрание сочинений
в семи томах

*С иллюстрациями
Карела и Йозефа Чапек*

Редакционная коллегия:

Н. А. АРОСЕВА, О. М. МАЛЕВИЧ,
С. В. НИКОЛЬСКИЙ, Б. Л. СУЧКОВ

Москва «Художественная литература» 1974

Карел Чапек

Собрание сочинений

Том первый

Рассказы

Перевод с чешского

Москва «Художественная литература» 1974

И (Чехосл)
Ч 19

Составление
С. Никольского

Вступительная статья
Б. Сучкова

Примечания
О. Малевича

Оформление художников
В. Шумиловой и Л. Рабичева

© «Художественная литература», 1974 г.

Ч $\frac{70304-284}{028(01)-74}$ подписное

Распятие

Бесконечно и покойно падал снег, покрывая стылую землю. «Почему-то вместе со снегом всегда опускается тишина», — подумал Боура, укрывшись в какой-то конуре; на душе у него было торжественно и грустно; он чувствовал себя всеми покинутым среди этой пустынной равнины. Спрятав под волнистым снежным покровом путанные следы жизни, земля опрощалась и выравнивалась у него на глазах, делаясь однообразно унылой и беспредельной. Наконец снег поутих, и танец снежинок — единственное движение в этой упоительной тишине — прекратился.

С робостью и трепетом бороздит пешеход нетронутую снежную целину, и странно ему оставлять первым длинную цепочку следов. Однако с противоположного конца навстречу движется еще кто-то, чернея из-под белой пороши; теперь две цепочки, встретившись, побегут рядом, и на девственно-чистой поверхности появятся первые признаки людской суеты.

Но встречный вдруг остановился; на усах у него снег; человек напряженно всматривается куда-то в даль. Боура замедлил шаг и проследил за направлением его взгляда; цепочки следов встретились и застыли.

— Во-он там видите — след? — спросил запыленный снегом незнакомец и показал на какую-то вмятину метрах в шести от того места, где они стояли.

— Да, это след человека.

— Разумеется, но откуда он там взялся?

«Наверное, прошел кто-нибудь», — хотел было ответить Боура, но смутился: след был единственный; ни впереди, ни сзади — нигде ничего; резко и отчетливо отпечатавшись на снежной поверхности, след не вел никуда; он был одинок.

— Откуда он там взялся? — подивился Боура и двинулся было поглядеть.

— Погодите, — удержал его собеседник, — наделаете вокруг лишних отпечатков и все затопчете. А тут надо разобраться, — недовольно добавил он. — Куда это годится — один-единственный след? Положим, кто-то прыгнул

отсюда прямо на середину поля; в таком случае следов рядом могло не быть. Но кому под силу прыгнуть так далеко? И как этому прыгуну удалось устоять на одной ноге? Ведь он неизбежно должен был бы потерять равновесие, а тогда ему пришлось бы опереться на другую ногу; к тому же он пробежал бы еще дальше — как всегда, когда на ходу соскакиваешь с трамвая. Но тут других отпечатков *нет*.

— Чепуха, — произнес Боура, — если он прыгал отсюда, следы остались бы и на дороге, а здесь шли только мы. Перед нами никого не было.

— След повернут пяткой к дороге; неизвестный двигался именно в том направлении. Если бы к деревне, то он повернул бы направо, потому что слева — чистое поле, а какого черта теперь искать в чистом поле?

— Позвольте, но путник должен был куда-то уйти, а я уверяю, что он вообще не трогался с места, потому как других следов не видно. Это же ясно. Следовательно, тут никто не проходил. Значит, разгадка в чем-то ином.

Боура усиленно соображал.

— Знаете, могло быть углубление на почве, а может, чей-то след отпечатался на подмерзшей земле и потом его припорошило снегом. Или представьте, что там стоял старый брошенный башмак и, когда прекратилась метель, его унесла ворона. Вот на земле и осталось пятно, напоминающее формой башмак. Этому нужно найти естественное объяснение.

— Если бы башмак стоял в поле перед снегопадом — под ним чернела бы земля, а там теперь снег.

— Значит, ворона унесла башмак, когда еще мела метель; или птица уронила башмак на лету, и он шлепнулся в чистый снег, но она снова его подняла. А, кроме того, это может быть не обычный след.

— Что же, птицы глотают башмаки, по-вашему? Или устраивают в них гнезда? Малая птаха башмака не поднимет, а большая в таком гнезде не поместится. Тут приходится рассуждать отвлеченно. Я полагаю, что это — след, но если его оставил не человек, то, значит, снег примет кем-то сверху. Вы считаете, что тут замешана птица, но вполне возможно, что кто-то сделал это с... аэростата, например. Допустим, некто повис на аэростате и одной ногой коснулся снега, чтобы всех подурочить. Не улыбайтесь, мне самому неловко давать столь неправдопо-

добное объяснение, но... Я буду счастлив, если это — не след.

Спутники двинулись в сторону загадочного отпечатка.

Открывшаяся им картина не могла быть ясней. От придорожного рва покато простиралась снежная целина, и одинокое пятно темнело где-то посередине поля; неподалеку от него, все в снежных хлопьях, стояло хрупкое деревце. Пространство от дороги до отпечатка башмака — нетронуто, нигде — ни намек на самое легчайшее прикосновение ноги; поверхность снега — белым-бела. Снег — мягкий и податливый, не то что сыпучая морозная пыль.

Посередине поля на самом деле был след — отпечаток большого американского сапога, на широкой подошве и с пятью крупными гвоздями на каблуке. Чистый снег плотно спрессован, нигде ни одной непрямой снежинки; значит, след появился после снегопада. Отпечаток глубокий и четкий. Тяжесть, пришедшаяся на небольшую площадь подошвы, должна была быть много больше веса любого из мужчин, склонившихся теперь над следом. Гипотеза птицы и поднятого башмака отпала сама собой.

Как раз над отпечатком башмака деревце протянуло свои длинные веточки, тоненькие, укутанные снегом; снег на них не был ни сыпан, ни стрясен. Малейший щелчок — и он обвалился бы тяжелыми комьями. Гипотеза «шага сверху» теперь совершенно исключалась. «Сверху» ничего нельзя было предпринять, не сбив с дерева снег. Не осталось ни малейшего сомнения — перед ними был обычный след.

Вокруг — лишь чистое искрящееся пространство. Путники поднялись вверх по косогору и пробежали по гребню холма; по-прежнему далеко-далеко вниз тянулся засыпанный белым снегом склон, за ним подымался другой, еще обширнее и белее. И до самого горизонта не было даже намек на след второй ноги.

Возвращаясь обратно, спутники обнаружили лишь вдвоенные ряды собственных следов, такие ровные и четкие, словно их провели по линейке. P1 в самом центре пространства, окруженного этими рядами, зиял след иной, более крупной ноги, циничный в своей обособленности; что-то удерживало людей от желания растоптать этот след, избавиться от него с общего молчаливого согласия. Обессиленный и опустошенный Боура опустил на придорожную тумбу.

— Над нами кто-то подшутил, — проговорил он.

— Возмутительно, — заметил другой, — ужасно глупая шутка, но... черт побери, есть же пределы физически возможного! Ведь это все-таки неестественно... Знаете, — вырвалось у него, и в голосе послышался ужас, — ежели там один след, то, может, это был одноногий? Не улыбайтесь, я понимаю, все это глупо, но какое-то объяснение *должно* ведь быть? Тут под сомнение поставлен разум, это же начало чего-то... Либо мы оба спятили, либо я валяюсь дома в горячке, но только всему *должна быть* причина.

— Мы оба спятили, — задумчиво произнес Боура, — нам все подай «естественное» объяснение; мы хватаемся за сложнейшие, невероятнейшие, бессмысленнейшие предположения — только потому, что они «естественные». А, наверное, было бы куда проще и естественнее признать, что это просто чудо. Мы подивились бы и спокойно разошлись по своим делам... Без смятения в душе, скорее всего даже довольные.

— Нет, я не был бы доволен. Если бы след означивал нечто великое... принес счастье... я сам упал бы на колени и возгласил: «Чудо!» Но это ведь просто неловко; это ничтожно мало — оставить один отпечаток вместо обычной вереницы следов.

— Если бы у вас на глазах воскресили умершую девушку — вы пали бы ниц и смирились; но не успеет на ваших коленях растаять снег, как вам придет в голову, что это был обман, лишь мнимая смерть. А тут как раз никакого обмана, ничего мнимого, тут вам продемонстрировали чудо в простейших условиях, как при чистом физическом эксперименте.

— Я, вероятно всего, не поверил бы даже воскрешению из мертвых. Но и я жажду спасения, и я надеюсь на чудо... будто вот-вот произойдет что-то и перевернет всю мою жизнь. Этот след не спасет меня, не перевернет моей жизни, не выведет никуда, он лишь мучит, словно заноза, засевшая в мозгу, и я не могу от этого избавиться. Я в него не верю. Чудо успокоило бы меня, но этот след — первый шаг к сомнению. Лучше бы уж его вовсе не видеть.

Оба надолго умолкли. В воздухе снова закружились снежинки, снег повалил гуще прежнего.

— Кажется, у Юма, — прервал молчание Боура, — я читал об одиноком следе на песке. Значит, такое встречается не впервые; по-моему, таких следов — тысячи, бесконечное множество, а мы их не замечаем, потому что привыкли к определенным правилам. Иной, например, на этот след и внимания не обратит; ему и в голову не придет, что это — уникальное явление, что он — единственный, что на свете существуют вещи, которые ни с кем и ни с чем не связаны. Посмотрите, как похожи наши с вами следы, но этот, единственный, — больше и глубже, чем наши. Когда я думаю о своей жизни, мне представляется, что в ней есть следы, которые ниоткуда и никуда не ведут. Это невероятно трудно — представлять все, что ты пережил, в виде звена некоей цепи, которое возникло однажды и в свой черед уступит место следующему звену. Бывает, что вдруг вам явится откровение или вы неожиданно ощутите нечто, чего не было раньше и никогда не будет потом. Среди людских дел есть такие, которые ни с чем не соединишь, они тотчас обнаруживают свою обособленность. Мне известны поступки, которые ничем не кончались, ничто и никого не спасали, и все-таки... Случалось такое, что никуда не вело, от чего никому не стало легче жить, но, возможно, это и было самым главным в жизни. Вы не находите, что этот одинокий след — прекраснее всех, виданных вами до сих пор?

— А мне, — отозвался собеседник Боуры, — припомнились семимильные сапоги. Наверное, когда-то люди тоже наткнулись на подобный след и не смогли подыскать подходящего объяснения. Кто знает, может, предшествующий след обнаружится где-нибудь у Пардубиц или у Колина, а последующий — у самого Раковника? Я вполне могу себе представить, что второй такой след отпечатался не на снегу, а, скажем, среди толпы, на земле, во время праздника, там, где нечто уже произошло или еще произойдет; что этот шаг — звено в некоей непрерывной цепи шагов. Вообразите ряд таких чудес, и этот наш след найдет среди них свое естественное место. Если бы газеты были полностью информированы обо всем происходящем, возможно, из «Новостей дня» мы могли бы узнать о последующих шагах и проследить чей-то путь. Может, это некое божество сейчас шествует себе не спеша, но вполне продуманно и последовательно; возможно, его путь — это и есть некий высший знак, за который

нужно ухватиться. И может быть, нам следовало бы пойти по стопам этого божества. Не исключено, что для нас это было бы спасением. Все, все вполне вероятно... Но разве не страшно — *с предельной отчетливостью* различить пред собою один-единственный след и не быть в состоянии сделать дальше ни шагу?

Боура, содрогнувшись, встал. По земле мело, мело все сильнее. Истоптанное поле и единственный отпечаток американского сапога исчезли под слоем свежавывавшего снега.

— Я не отступлюсь, — буркнул заснеженный мужчина.

«От следа, которого уже нет и не будет больше...» — про себя договорил Боура, и путники разошлись в разные стороны.

Комментарии

Распятие

Первая самостоятельная книга Карела Чапека «Распятие» вышла в конце 1917 г. в издательстве Яна Отто. Из включенных в данный том рассказов два были ранее опубликованы в журнале «Люмир»: «След» 7 января 1916 г. и «Лида» 16 июня 1916 г.

Карел Чапек вспоминал позднее, что обратился к работе над этой книгой «от безработицы и отчаяния». Создавалась она примерно с октября 1915 г. по февраль 1917 г.

Книга была задумана не как сборник рассказов, а как некое единое композиционное целое, о чем свидетельствует кольцевое построение первой части «Распятия»: «След», «Лида», «Гора», «Песня любви» («Лида, II»), «Элегия» («След, II»), а также последовательное развитие и правильное чередование сюжетно-тематических мотивов первой части сборника — во второй его части, одно и то же имя героя (Боура) в журнальных публикациях рассказов «След» и «Лида». 5 декабря 1917 г. К. Чапек писал Нейману: «Все эти рассказы начались для меня не мыслью, а переживанием; в «Следе» я хотел выразить снег; в «Элегии» — опьянение; в «Горе» быстроту и медлительность; «Лида» имеет в своей основе действительный случай; «Зал ожидания» находится в Усти над Лабем; «На помощь!» разыгрывается в деревне под Терезином, где я ночью заблудился, — короче говоря, все мои новеллы возникли из впечатлений, запавших в мое сознание».

Здесь же мы находим первую и наиболее развернутую авторскую интерпретацию сборника: «Название «Распятие» знаменует собой распутья или перекрестки жизни... Это книга антиинтеллектуалистская, книга кризиса и распада всего рационального. Ключ к ней — хотя бы «Элегия», затем «Гора». Благодаря какому-либо внутреннему или внешнему событию ты оказываешься на распутье, в точке, где кончается твоя рациональная, основанная на силе привычки жизнь, механизм разума и внутренней самоупо-

коенности; ты встречаешься с неведомым, с чем-то загадочным и словно бы не знаешь, какой дорогой идти дальше. Это ощущение страшного беспокойства и неуверенности, боли, тоски и сомнения; ты теряешь почву под ногами и растерянно останавливаешься, И тут в тебе начинает говорить голос души, первая и почти детская ориентация, отнюдь не решение загадки, но обращение к собственному «я», к своему внутреннему миру. Только столкнувшись с загадочным, осознаешь собственную душу. Перед всем ты оказываешься беспомощен со своим интеллектом и стремлением к установлению причинной связи, и в этом состоянии бессилия перед тобою открывается таинственный источник помощи и силы в тебе самом, в чувствах детскости, любви, добра и набожности (без бога). Такова некая идейная конструкция моей книжки, но я не придаю ей большого значения... Мои люди не рассуждают где угодно и о чем угодно; среда и мысль представляют собой единое целое... Мысли не являются чем-то первичным, не служат постижению чего-то, а рождены настроением, представляют собой лирический элемент, которым я хотел выразить определенное впечатление от природы. Что мне нравится в моей книжке, так это реальность, которая этими психическими событиями одухотворена и приобретает магический, таинственный характер, каким обладает действительность, например, в детских глазах. Для меня речь шла об определенном волшебстве, а поскольку я вообще считаю поэзию колдовством, я осуществлял тем самым единственную свою программу. Единственное, что меня занимает и что, вероятно, никто о моей книжке не напишет, это то, как здесь творится действительность. Философия или не философия — это глупость; главная вещь — искусство. Но то мысленное, что содержится в книге, то есть высвобождение человека в мгновения свободы, очевидно, вызвано — хотя я об этом и не заботился — одержимостью или личным кризисом, а главное — настроением, навеянным войной. Война загнала человека в его внутренний мир; и когда ему было особенно тяжело, он чувствовал в себе нечто негероичное, разумеется, нечто испуганное и грустное, но все же свободное и непокоримое — собственную душу. Это не философия и даже не религия, а слепое и неотвратимое чувство»¹.

14 января 1928 г. Чапек писал юристу Иржи Ржиге: «Название «Распятие» двузначно и означает, с одной стороны, распутье, с другой, самоистязание высшими предметами и духовными поисками.

¹ V. Dyk, St. K. Neumann. Bratři Čapkové. Korespondence z let 1905—1918, Praha, 1962, s. 190—192.

Обращение в «Распятии», — я в этом сомневаюсь. Собственный мотив «Распятия» — это, с одной стороны, война и ожидание чуда, что для нас все обернется хорошо, с другой — предположение о смертельной болезни, на основе ошибочного диагноза — и, следовательно, какое-то сведение счетов с жизнью. В известном смысле это обращение, но не к вере, а к сочувствию»¹. А в интервью, опубликованном 21 июня 1928 г. в журнале «Литерарни свет» («Литературный мир»), Чапек уточнял, что решение «метафизических тем» в «Распятии» имело своим итогом «прямой путь от какой-то метафизики к самому будничному: здесь начни».

След

Стр. 149. ...у Юма... я читал об одиноком следе на песке. — Юм Дэвид (1711—1776) — английский философ-агностик, автор «Трактата о человеческой природе» (1748), в котором говорится, что тот, кто увидел бы на прибрежном песке след человеческой ноги, должен был бы предположить и существование следа второй ноги, хотя бы он и был занесен песком или смыт водой.

¹ К. Čapek. Poznámky o tvorbě, Praha, 1959, s. 82.

Содержание

В. Л. Сучков. Карел Чапек (1890—1938) 5

РАССКАЗЫ

РАННИЕ РАССКАЗЫ

Перевод Н. Аросовой

Искушение брата Гранквиллия 71
Возвращение прорицателя Гермотима 74
Аргентинское мясо 77
Американское сало 81

САД КРАКОНОША

Автобиографическое предисловие. *Перевод С. Никольского* 80
Система. *Перевод В. Мартемьяновой* 96
Пшеница. *Перевод С. Никольского* 102
Аристократия. *Перевод С. Никольского* 105
О разных средствах. *Перевод С. Никольского* 107

СИЯЮЩИЕ ГЛУБИНЫ

Красный рассказ. *Перевод Н. Замошкиной* 111
От поцелуя до поцелуя. *Перевод Е. Элькинд* 122
Остров. *Перевод Е. Элькинд* 126
Сияющие глубины. *Перевод О. Малевича* 133

РАСПЯТИЕ

Перевод В. Мартемьяновой

След 145
Лида 152
Гора 168
Песнь любви (Лида, II) 387
Элегия (След, II) 201
История без слов 212
Надпись 215
Зал ожидания 219
На помощь! 224

МУЧИТЕЛЬНЫЕ РАССКАЗЫ

Отцы. <i>Перевод Е. Аникст</i>	231
Трое. <i>Перевод Е. Аникст</i>	236
В замке. <i>Перевод Т. Аксель</i>	243
Деньги. <i>Перевод Т. Аксель</i>	283
Жестокий человек. <i>Перевод Т. Аксель</i>	279
Рубашки. <i>Перевод Т. Аксель</i>	294
Трибунал. <i>Перевод Е. Аникст</i>	301

РАССКАЗЫ ИЗ ОДНОГО КАРМАНА

Случай с доктором Мейзликом. <i>Перевод Т. Аксель</i>	307
Голубая хризантема. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	311
Гадалка. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	316
Ясновидец. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	321
Тайна почерка. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	327
Беспорное доказательство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	334
Эксперимент профессора Роусса. <i>Перевод Т. Аксель</i>	338
Пропавшее письмо. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	345
Похищенный документ № 139/VII отд. «С». <i>Перевод Т. Аксель</i>	351
Человек, который никому не нравился. <i>Перевод Т. Аксель</i>	359
Поэт. <i>Перевод Т. Аксель</i>	364
Происшествия с паном Яником. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	370
Гибель дворянского рода Вотичких. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	378
Рекорд. <i>Перевод Т. Аксель</i>	387
Дело Сельвина. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	394
Следы. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	401
Купон. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	408
Конец Оплатки. <i>Перевод Т. Аксель</i>	416
Последний суд. <i>Перевод Т. Аксель</i>	423
Преступление в крестьянской семье. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	427
Исчезновение актера Бенды. <i>Перевод Т. Аксель</i>	432
Покушение на убийство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	442
Освобожденный. <i>Перевод Т. Аксель</i>	446
Преступление на почте. <i>Перевод Т. Аксель</i>	452

РАССКАЗЫ ИЗ ДРУГОГО КАРМАНА

Похищенный кактус. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	461
Рассказ старого уголовного. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	487
Исчезновение господина Гирша. <i>Перевод В. Чешихиной</i>	472
Редкий ковер. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	478
История о взломщике и поджигателе. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	487
Украденное убийство. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	493
Случай с младенцем. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	500
Графиня. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	509
История дирижера Калины. <i>Перевод Т. Аксель</i>	514
Смерть барона Гандары. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	519
Похождения брачного афериста. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	524
Баллада о Юрае Чупе. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	530
Рассказ об утерянной ноге. <i>Перевод А. Косорукова</i>	530
Головокружение. <i>Перевод Н. Аросевой</i>	540
Исповедь. <i>Перевод А. Косорукова</i>	546
Взломщик-поэт. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	550
Дело господина Гавлены. <i>Перевод Т. Аксель</i>	556
Игла. <i>Перевод Т. Аксель и Ю. Молочковского</i>	561
Телеграмма. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	565
Человек, который не мог спать. <i>Перевод А. Косорукова</i>	571
Коллекция марок. <i>Перевод А. Косорукова</i>	576
Обыкновенное убийство. <i>Перевод А. Косорукова</i>	582
Присяжный. <i>Перевод Н. Замошкиной</i>	586
Последние мысли человека. <i>Перевод Н. Замошкиной</i>	591

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

Прожигатель жизни. <i>Перевод И. Ивановой</i>	597
О последних делах человека. <i>Перевод И. Ивановой</i>	599
Чудо на стадионе. <i>Перевод И. Ивановой</i>	601
Судебный случай. <i>Перевод И. Ивановой</i>	603
Черт. <i>Перевод И. Ивановой</i>	606
Паштет. <i>Перевод И. Ивановой</i>	608
Контора по переселению. <i>Перевод В. Мартемьяновой</i>	613
Первый гость. <i>Перевод И. Ивановой</i>	616
Проект. <i>Перевод И. Ивановой</i>	618

Общество кредиторов барона Бигари. <i>Перевод И. Ивановой</i>	620
Тонда. <i>Перевод И. Ивановой</i>	623
Если бы в суде заседали дипломаты. <i>Перевод О. Малевича</i>	625
Ореол. <i>Перевод Ю. Молочковского</i>	627
Человек, который умел летать. <i>Перевод Ю. Молочковского</i>	634
О всемирном потопе. <i>Перевод И. Ивановой</i>	640
Интервью. <i>Перевод О. Малевича</i>	644
Десять сентаво. <i>Перевод И. Ивановой</i>	647
<i>О. Малевич. Комментарии</i>	655